

Олег ВИНОГРАДОВ: «Кто-то намеренно хочет уничтожить Большой и Мариинский театры»

Имея в виду критическую ситуацию, сложившуюся в Большом театре, коллектив которого выразил возмущение генеральному директору В. М. Коконину и готовится к проведению забастовки, мы посетили необходимым знакомить читателей «Советской России» с суждениями и оценками Олега Михайловича Виноградова — главного балетмейстера Мариинского театра, одного из лучших хореографов наших дней, человека независимого и беспристрастного.

Петр БЕКЕДИН.

Санкт-Петербург.

Интервью газете «Невское время» (1994, № 204, 22 октября, с. 1):

«— Олег Михайлович, в последние месяцы «власти предержащие» продемонстрировали особое внимание к Большому и Мариинскому театрам, были опубликованы указы президента о ситуации в коллективах, о переводе на контрактную систему, о новом порядке назначения художественного руководства...»

— Во-первых, я не понимаю, зачем путать в один узел два театра. Это совершенно разные творческие организации, похожие друг на друга лишь профилем работы. Услышал я про указ, и мне стало очень смешно. Кто-то шепнул на ухо Борису Николаевичу, что нужно сделать именно так... Конечно, понятно желание директора Большого театра Владимира Коконина навести порядок, но при всех сложностях, которые возникли сегодня у Юрия Григоровича, он все равно остается явлением в искусстве, реформатором нашего балета. У каждого художника в жизни бывают сложные моменты. Допустим, что он сейчас не в состоянии активно работать. Ну и что из этого? Настанет другое время, и, я уверен, он снова создаст что-нибудь замечательное. Во всем мире существуют авторские театры. Известна труппа Баланчина, но никто не вспомнит, кто там был директором. Труппой Ноймайера руководит Ноймайер, Бежара — Бежар. А у нас будут управлять директоры? Дай Бог, чтобы это получилось. Но я сомневаюсь, что Большой когда-нибудь станет театром Владимира Коконина.

— А ситуация в Мариинском?

— Вся нездоровая шумиха последнего времени представляется мне тщетной попыткой известных нам людей опорочить коллектив театра. У нас же, напротив, никогда еще не было такого удачного, продуктивного сезона, как прошлый. Мы вы-

пустили пять опер и четыре балета. Мариинский балет, и это факт общепризнанный, — уникальное явление мировой культуры. Наш престиж растет год от года. За границей буквально идет охота на наших танцовщиков, я уж не

говорю о звездах. Практически каждый способный артист кордебалета Мариинского может занять хорошее положение в любом театре мира.

— А Майя Плисецкая в телеинтервью сказала (я цитирую): «Сейчас в Кировском театре дела идут не очень хорошо. Я столкнулась с этим».

— Я с бесконечным уважением отношусь к Майе Михайловне как к великолепной балерине, преклоняюсь перед ее талантом. Но чтобы делать подобные заявления, надо хотя бы раз поговорить у нас в театре, посмотреть хоть один спектакль. Увы, этого не случилось. Этот и другие факты все больше убеждают меня в том, что кто-то намеренно хочет уничтожить Большой и Мариинский театры. Что же тогда останется?

— В беседе с В. Листьевым в «Часе пик» Плисецкая обвинила вас в запрете своим артистам участвовать в конкурсе «Майя». И только одна «героиня» — Екатерина Ковмир решила послушаться...

— Только я могу судить, может мой артист по своему профессиональному уровню представлять на конкурсе театр или нет. Несколько лет назад именно я был инициатором участия Юлии Махалиной и Игоря Зеленского в самом престижном Парижском конкурсе. Они получили Гран-при и золотые медали. Я рекомендовал послать Диану Вишневу, еще учащуюся Вагановской школы, на конкурс в Лозанне в этом го-

ду. Результат — Гран-при. И, кстати, Анна Поликарпова, получившая премию на конкурсе «Майя», — тоже воспитанница Мариинского балета. Катя же Ковмир никогда и нигде не получила бы никакой награды. Я это знал, более того, предупредил ее об этом.

— Так и случилось.
 — А иначе и быть не могло. Просто ее использовали как козырь против театра. Ковмир обещала мне не упоминать имя Мариинского, но... Если бы подобный обман позволил себе артист Бежара, Ноймайера, Роббинса, он бы сразу был уволен.

Бесконечные разговоры о «бедной» Кате — не что иное, как нагнетание нездоровой обстановки вокруг театра. Кто-то очень хочет принизить Кировский балет. Я понимаю, зачем это надо, допустим, Никите Долгушину, который, работая с малопрестижной труппой, пытается ставить спектакли мирового репертуара. Результат, естественно, довольно жалкий. Но когда Майя Плисецкая заявляет такие вещи...

— Олег Михайлович, а какую реальную помощь государство оказывает в обеспечении жизнедеятельности коллектива? Известно, что оперно-балетные театры с их дорогостоящими постановками, большими труппами не могут существовать без дотации.

— Искусство всегда поддерживалось императорами, мещанами, купцами. Кстати, неплохо финансировалось коммунистами. Но пришло время, которое мы все так ждали: свобода, демократия, независимость. И тоняли, что как раз сейчас нас никто не поддерживает. Казалось бы, все понимают: Большой и Мариинский театры — святыни российской культуры. Но дотации государства нам не хватает даже на зарплату (сумму ее называть глупо просто стыдно: прима-балерина получает в месяц около 100 долларов). Понадеясь мы на те деньги, которыми нас субсидирует правительство, театр пришлось бы просто закрыть. Но новое

время не застало нас врасплох. Мы выживаем, выпускаем дорогостоящие постановки. Не пропадем, даже если завтра будет еще хуже. Сегодня выше нас на Западе никто не оплачивается. И это не в последнюю очередь говорит об уровне труппы, ее потенциале, ведь у «них» деньги на ветер не бросают. В театре есть гастрольные заявки на несколько лет вперед, подписан восьмилетний контракт с японцами, причем они оплачивают расходы на постановки. Словом, научились зарабатывать. И при этом снова и снова выходя на нашу прославлен-

ную сцену, стремиться каждый день быть в форме, каждый день на ступеньку выше».

Из интервью газете «Час пик» (1994, № 42, 12 октября, с. 15):

«—...прошел конкурс «Майя». Ваши впечатления?»

— Думаю, что сейчас вообще не время устраивать конкурсы... Наш театр не мог предоставить свою сцену из-за ремонта. Кстати, сцена сейчас прекрасно выглядит. С другой стороны, в Петербурге пока нет конкурсов Мариуса Петипа, Галины Улановой или Марины Семеновы, работавших в нашей труппе, или конкурса Мариинского театра. <...>

— Недавно вышел указ президента, согласно которому труппы Мариинского и Большого театров фактически распускаются и набираются заново на конкурсной основе. Изменилось ли что-нибудь в связи с этим в театре?

— Совершенно нелепый указ, как и многое другое, что сейчас у нас происходит. Очевидно, многие люди заинтересованы в разрушении авторских театров, определяющих культурный облик страны. Ни у кого ведь не вызывали сомнения такие понятия, как театр Джорджа Баланчина, Мориса Бежара, Марты Грэхэм, Джона Ноймайера, театр Любимова, Товстоногова. Владимирова, наконец. Нет, надо все разрушить, отдать на откуп директорам! Пока что ни одного имени директора никто

не запомнил. Если произойдут крайности (мы уверены, что в Мариинке их не будет, ибо в ней нет Коконина. — П. Б.) — что ж, мы работать здесь не будем. Место мы себе найдем, тем более что его искать-то не надо. Но для культуры в целом последствия будут самыми трагическими. Опять-таки если Большой театр в этом нуждается, то — пожалуйста, но мы-то тут при чем? Мариинский театр — это дом Петипа, его школа и театр, а не Всеволожского или Теляковского, хотя эти директора — не чета нынешним».

Из интервью газете «Мариинский театр» (1994, № 9—10, с. 5):

«— Олег Михайлович, много всяких разговоров идет по поводу неучастия театра в конкурсе «Майя». Как бы вы прокомментировали сложившуюся ситуацию?»

— Это все выпады определенных людей. Я-то слишком хорошо знаю, кто за этим стоит. ...Мы не против конкурса Майи Михайловны Плисецкой. Нам просто странно, почему в нашем городе и в Мариинском театре пока не было конкурса Галины Улановой или Марины Семеновы, которые работали в этом театре. Мариуса Петипа, дом которого здесь, или, наконец, конкурса Мариинского театра?..

— Но утверждают, что вы лично запретили своим танцовщикам участвовать в конкурсе. Об этом говорила на пресс-конференции единственная участница от Мариинского Екатерина Ковмир...

— Да, я действительно запретил ей участвовать в конкурсе под угрозой увольнения. Она — неконкурсная танцовщица...

— Запрет касался только ее?

— Да. А больше никто интереса и не проявлял.

— Однако Вадим Гаевский... заявил на пресс-конференции, что Ульяна Лопаткина подавала заявление на конкурс, но потом вынуждена была его забрать...

ти... Как руководитель театра, я отвечаю за судьбы артистов. Я, а не Гаевский или кто-то еще...
 — Возвращаясь к Ковмир: она уволена?

— Никто ее не увольнял. Но прощать подобных вещей мы не будем. Я ведь заранее предвидел, что ее используют как козырь против театра, что и случилось. Я предупреждал об этом и ее отца, и ее лично, сказав, что все последствия они берут на себя. Они согласились с этим, с тем, что не будут упоминать имя Мариинского театра, но слова не сдержали... Если бы подобное слу-

чилось у Баланчина, у Бежара или, скажем, у Питера Мартинса, она бы уже в театре не работала. А почему я должен позволять, чтобы плевали в меня и в мой театр?!

Из интервью газете «Известия» (1994, № 214, 5 ноября, с. 6):

«— Русский балет здесь (на Западе. — П. Б.) традиционно обвиняют в консерватизме, в отсутствии новых идей...

— Пусть обвиняют нас в чем угодно. Взглянув на себя, лучше бы попытались к нам приблизиться. Я обожаю этот консерватизм и буду защищать его любой ценой. Потому что, если этого псевдоконсерватизма не останется у нас, его нигде не останется. Все самые большие классические шедевры рождались на российской сцене. Наша труппа — это музей, которым мы гордимся. Мы стремимся к тому, чтобы он обновлялся, а не превратился в лавку древностей. Собственно говоря, это и происходит. Одни и те же артисты у меня танцуют Петипа, Баланчина, Роббинса. Пусть на Западе попробуют это сделать...

— Вы отпускаете своих артистов танцевать в других театрах?

— Разумеется, Юлия Махалина по контракту работает в королевском датском балете, Зеленский — в нью-йоркском балете, Рузиматов — во многих театрах.

Лучших отпускаю, худших — нет.

— Тем не менее вы запретили вашим артистам участвовать в конкурсе Майи Плисецкой!

— Я определяю, кто может быть на конкурсе, а кто — нет. И та девочка, которую как козырь разыграли для своей амбиции организаторы конкурса, не могла ничего получить и ничего не получила. Поэтому она больше в моей труппе не работает. Я не люблю, когда нарушают дисциплину. Наше государство гибнет из-за ее отсутствия и хаоса.

— Значит, вы диктатор?

— Называйте меня как угодно. Важно, что после меня останется.

— Во Франции считают, что труппа Кировского и труппа Большого театра — это прямо-таки Монтекристи и Капулетти! В интервью «Фигаро» вы только что заявили, что Кировский балет стал лучшим в России и что Большой вам уже больше не соперник...

— Соперничество есть, было и будет. Однако мы никогда не враждовали с Большим театром. Там у меня только что состоялась премьера балета «Сильфиды» с Юлией Махалиной — настоящий триумф. Мы были удивлены теплотой и добрым к нам отношением. И до этого я много раз работал с его труппой, которая ко мне относится замечательно.

— Западная пресса пишет о «разбитой витрине» Большого театра, о его беспрецедентном кризисе, в котором якобы виновен Юрий Григорович...

— Григорович — один из самых лучших мастеров балета. Гордость нашей нации. Конечно, каждый художник в разные моменты может иметь какие-то проблемы. Но столько, сколько сделал Григорович для русского балета, не сделал никто. Да, Большой театр сегодня в сложном положении. И я вижу, что кое-кому его хочется уничтожить. Догадываюсь, кому. Очень хочется, но не удастся.

— Кто же все-таки этого хочет? Кого вы имеете в виду?

— Кому-то очень мешает, что в России есть два приличных театра. Для них лучше, чтобы там ничего не было.

— Не грозит ли нынешний кризис Большого театра вылиться в закат всего российского балета?

— Ни в коем случае... Это тоже все нагнетается — есть желание, чтобы так было. Не получится».